

стиций привносят в данную страну новые идеи, новые традиции ведения бизнеса, передовые методы менеджмента и организации производства. Особенно большое значение институциональная составляющая играет в случае, когда идет речь о деятельности предприятий с иностранными инвестициями в условиях переходной экономики в период ее институциональной трансформации. Иностранные компании в условиях активных институциональных изменений становятся своего рода островками стабильности, вокруг которых формируется рыночная среда. В данном случае важную роль играет практика проведения непосредственного обучения новым методам хозяйствования, проводимая отдельными компаниями или программами технического содействия. Определенное значение приобретает и демонстрационный эффект, который проявляется в косвенном воздействии предприятий с иностранным капиталом на отечественных производителей. Иностранные компании собственным примером побуждают отечественных предпринимателей к повышению конкурентных преимуществ путем модернизации производства и улучшения управления предприятиями.

А. В. Толпегин

КРЕАТИВНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ КАК ИННОВАЦИОННЫЙ ФАКТОР СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Вопрос не в том, истинна эта точка зрения, или нет. Вопрос в том, достаточно ли она безумна, чтобы быть истинной.

Нильс Бор

Научный подход к исследованию различных вещей, действительно и по преимуществу, представляется безумием с точки зрения обывателя, с точки зрения обыденного сознания, неискушенного и «невинного» в данном отношении, не отягощенного «муками творчества». Возможно, это и к лучшему, «не геометр да не войдет!» – написал в свое время Пифагор над входом в свою школу. Наука – не для всех, для многих она просто опасна хотя бы в силу того, что не каждый может и вынести муки творчества, и выдержать достаточно сильное и грубое глумление над собственным интеллектом, его гибкостью и прочностью, со стороны научных проблем и научных исследований. Ну а если уж попал человек в подобную пе-

редрягу, то иного не дано: либо терпеть мучения, мужественно пройдя все «круги ада», либо относиться ко всему именно как «геометр», соответственно поменяв интенции собственного рассудка.

Научный подход к изучению современной российской экономики полностью соответствует подобной ситуации – и в силу собственно научности и в силу российской специфичности самого объекта исследования. Российская экономика на сегодняшний день – вещь виртуальная, как отмечают некоторые отечественные исследователи. И «виртуальна» она, естественно, не в смысле ее информационно-технического насыщения, а в исходном смысле, сформированном в рамках физической теории («виртуальные частицы»). Этот смысл в обобщенном виде можно выразить так: почти существующая, т. е. она, вроде бы, и есть – ее исследуют, о ней говорят, – но, с другой стороны, ее как-то, по настоящему, и не видно. В связи с этим при ее изучении приходится, как обычно в России, опираться либо на ограниченный фактический материал, происходящий из жизненного опыта исследователя, либо на собственную интуицию (положение в отечественной статистике общеизвестно), либо на творческие возможности рассудка. И это характерно, как представляется, для исследований, проводимых на любом уровне: от студента, пишущего курсовую работу, до советников президента и министров, составляющих стратегию развития страны.

В отношении же «инноваций» в нашей виртуальной экономике вы сказанные положения усиливаются, на мой взгляд, в несколько раз – в силу того, что речь идет о «новшествах», которые по своей сущности в экономике представляют собой, вообще-то, коммерческую тайну – в той или иной мере. О них более или менее уверенно можно утверждать (как обо всех инновациях вообще) только то, что они многочисленны и недолговечны, добавив, что в России они еще слабо приживаются и в большей своей части скептически воспринимаются «руководством» фактически любого уровня. Последнее и интересует нас в этой статье более всего: «руководство» в нашем Отечестве – вещь особенная и почти священная. Управляющий (начальник, руководитель...) – это почти божество, от которого «народ» ожидает чуда, поэтому у нас основная инновация в этой сфере – переход на систему менеджмента – неопределенна настолько же, насколько и интересна. Редко можно сегодня встретить человека, который мог бы с научной точностью сказать, что такое «менеджмент», тем более сказать,

что такое ставший в последнее время модным «менеджмент креативный». А это действительно интересная вещь – особенно в нашей экономике.

Проблемы «креативного менеджмента» достаточно серьезные и многообразны и в настоящее время обсуждаются на разных уровнях общественного устройства, в различных аудиториях, становясь чуть ли не модой российского менталитета и признаком причастности к интеллектуальной управленческой элите. Но, мне кажется, не вполне отчетливо осознается «основная суть» этих проблем, их фундамент. Автор специально использовал тавтологию (креативный менеджмент), желая акцентировать внимание **на первой идее** предлагаемой для обсуждения в данной статье: «креативный менеджмент» – это «замасленное масло», «мокрая вода», «искривленная кривизна» и все остальное в этом духе.

Вторая идея: менеджмент преступен – особенно у нас. Не только в узко криминальном смысле, который используется «в целях уголовного кодекса», а в том числе и, прежде всего – в исходном смысле данного термина. У нас при виде объявлений, типа «требуется менеджер по продажам», правоохранительные органы должны насторожиться, особенно в тех своих составляющих, которые ведают экономическими преступлениями: кому это и зачем понадобились профессиональные преступники?

Менеджмент вообще у нас в России явление до сих пор мало понятное – и как сама деятельность, и как теория, ее описывающая, и как предмет научного исследования. Тем более неясным данное явление становится в процессе преподавания в учебных заведениях – особенно для студентов. Учебные издания, например, говорят нам только о не совсем профессиональном переводе данного термина с английского: менеджмент – это управление. И здесь становится совсем тоскливо: если менеджер – это управляющий, то зачем нам «умножение сущностей», как выразился бы У. Оккам в подобной ситуации, нам разве своих непонятных слов не хватает в русском языке, обязательно еще и английские внедрять в российскую действительность? Хотя в мутной воде, говорят, и поймать что-то можно, может быть даже золотую рыбку, и в той неразберихе, которая называется на сегодняшний день «российской экономикой», применение английских слов, возможно, действительно окажется «креативным». Давайте попробуем разобраться, хотя бы в общих чертах, как говорят – в основном.

Для начала посмотрим на термин «креативный». Этимология, дающая основополагающее смысловое значение слов, нам говорит о латинских

корнях: *creatura* – творение, тварь, создание, от *create* – творить, создавать, производить¹. Мало того данный термин в процессе своего исторического становления приобрел еще и достаточно серьезный богословский оттенок: Творец настоящий – это Он, а все остальное, в том числе и мы, люди, – это твари, т. е. Его создания. А потому, если человек и может быть «творцом», то лишь настолько, насколько он «богоподобен», создан по Его образу и подобию. Или иначе: способность к творчеству – это божественный дар, это частичка Бога в человеке, представленная его душой. Творчество имеет божественное (во всех смыслах) происхождение, и оно так же таинственно, мистично, «неисповедимо» (непостижимо), как и Его пути (пути Господни) и Он сам. Творческий человек – это человек «от Бога».

Теперь – «менеджмент». Опять же этимология нам подсказывает, что данный термин английского происхождения, а, следовательно, замечу для акцентуации, представляет традиционную английскую культуру: *management* – управление, заведование, руководство². На первый взгляд, менеджер – это управленец. Вроде бы, все ясно, кроме тоскливой бессмысленности введения этой иностранщины в русский язык, тем более в научную терминологию (где синонимов, вообще-то, быть не должно – в целях достижения однозначности и научной точности). Подобная ситуация с трактовкой менеджмента наблюдается почти во всех «толковых» словарях и, тем более – в учебных изданиях. Однако есть и проблески в этой темноте бессмысленности, дающие надежду на внесение какой-то ясности. «Менеджмент, – говорит нам один, хоть и «краткий» по своему названию, но достаточно толковый словарь, – это форма управления предприятием (я бы сказал более широко – организацией, – А. Т.) в условиях рыночной экономики, цель которой – достижение наивысшей эффективности... производства... и увеличение прибыли (выделено везде мною – А. Т.)»³. Вот где, оказывается, «собака порыта», как сказал бы первый и единственный Президент Советского Союза. Вот об этой-то смысловой составляю-

¹ См.: Современный словарь иностранных слов: толкование, словоупотребление, словообразование, этимология / Л. М. Баш, А. В. Боброва и др. Издание 4-е, стереотипное. М.: Читатель-трейд; Рипол классик, 2003. С. 431.

² См.: Современный словарь иностранных слов: толкование, словоупотребление, словообразование, этимология / Л. М. Баш, А. В. Боброва и др. Издание 4-е, стереотипное. М.: Читатель-трейд; Рипол классик, 2003. С. 515.

³ Краткий словарь современных понятий и терминов. М.: Изд-во «Республика». 1993. С. 240.

щей, отражающей особенности национальной культуры англичан, которые существенно отличают эту культуру от российской, и забывают составители «управленческих» текстов у нас (в том числе и учебных), «превращая» менеджера в обыкновенного управленца, наводя тоску на студентов.

Дело в том, что англичане никогда не жили в условиях «нерыночной» экономики, экономики командной, социалистической и т. п. Им и в голову не приходило, – во всяком случае, большинству из них, мало интересующемуся идеологическими дискуссиями и экспериментами по общественному переустройству в угоду очередному классу-«гегемону» или его пастухов, – так вот, им и в голову не приходило, что предприятием (организацией) можно управлять еще как-то, в условиях «нерыночной» экономики и при этом управлении иметь еще какую-то особую, «основную» цель, кроме эффективности и прибыли. Для них это нонсенс. Прибыль и рынок в их, английском, понимании управления организацией подразумеваются как вполне понятные и бесспорные вещи, о которых и говорить не стоит – как можно иначе-то? Для россиянина же это оказалось очень даже можно. Мы народ вольнолюбивый и нам «можно» все – о чем вполне убедительно свидетельствует Россия XX в.

Вот и получается, что российскому читателю, слушателю, оппоненту и т. д. нужно обязательно указывать на эту особенность английской культуры, и дословный перевод обязательно добавлять фразами о рынке и прибыли, так как именно эти вещи отличают, причем отличают коренным образом, менеджера от управленца. У англичан это одно и то же. В России это «две большие разницы». Управленец в России – исполнитель, а не менеджер. Он тот, кто стоит «у права», ему подчиняется и его исполняет. Ну а в качестве права в России, как это общеизвестно, по большому счету выступает всегда Начальник, который для всех остальных есть и право, и Бог, и царь.

Довольно интересная, на первый взгляд, ситуация. Получается, вроде бы, что менеджер – это и есть Начальник, во всяком случае, в России. Он и есть то самое «начало», от которого все идет, и которое все «творит». Он «руководитель» («руками водит» – кому куда идти и что делать), который заботится о процветании предприятия и других организаций.

Но это только на первый взгляд. На самом деле, может быть..., но опять не совсем хорошо получается. Дело в том, что у каждого начальника есть свой Начальник, который требует исполнительности, а не «самодея-

тельности» (читай: творчества). Собственные мысли, которые отличаются от мыслей Начальника, следует держать «при себе» (в целях собственного благополучия и даже безопасности), а лучше всего их нигде не держать, т. е. просто не иметь, и уж тем более не высказывать. Прав Б. Окуджава: лишь «молчальники выходят в начальники, потому, что молчание – золото».

Все это хорошо просматривается и в сфере «российской экономики». Еще Б. Шоу высказывал интересную мысль: даже если всех экономистов сковать одной цепью и посадить в одну комнату (как кардиналов, избирающих Папу римского), то даже и в этом случае они не придут к единому мнению. Просто специфика экономических проблем такова: где появляются два экономиста (в профессиональном понимании данного термина) там сразу формируются три различные точки зрения. Экономика вещь проблемная и требующая действительно творческого подхода. Однако подобное положение дел возможно только «там», у «буржуев проклятых», которые с молоком матери в силу национальных традиций впитали чувство рынка, конкуренции и прибыли. У нас же все по-другому. Любой начальник (управленец) в идеале – это просто передаточное звено, «винтик», по мысли незабвенного Иосифа Виссарионовича, который передает директивы вышестоящего начальства на нижестоящие уровни для безусловного исполнения и который должен их передать как можно более точно, без искажений. Двух (тем более – больше) мнений быть не может. Начальник – это своего рода «пророк», который «рокочет» не потому, что у него много собственных творческих идей, мыслей и предложений (их у него не должно быть в принципе), а потому, что его устами «Рок» (Бог, Судьба...) доносит свои указания до людей. Вопрос не в прибыли и эффективности, а в точности донесенного «слова» и, естественно, в сохранении своего «места», должности, места у кормушки.

Даже самый большой у нас в стране Начальник – и тот просто не в состоянии принимать профессиональные экономические решения. Он не в состоянии их принимать потому, что у него конкурентов нет, не с кем бороться за прибыль. Да и прибыли самой тоже нет: сколько надо, столько и принесут, без анализа всякой «буржуйской ерунды» типа спроса, предложения и всего остального. Сказано, за десять лет удвоить ВВП (как было сказано, кстати, еще на XV съезде Коммунистической партии Китая в 1997 г., задолго до появления этой идеи у нас) и ополовинить бедных, можете не сомневаться – так и будет. «В начале было Слово, и слово было

у Бога, и Словом был Бог». Вот только экономика здесь совсем ни причем, в том числе и менеджмент. Система менеджмента и система начальства – вещи не совместимые, противоречащие и вредящие друг другу.

Менеджер, в отличие от управленца, – существо действительно творческое, самостоятельное, самостоятельное, если хотите, авантюрное. Ведь сколько это надо «натворить», чтобы в условиях жесткой конкуренции, слабо предсказуемого спроса, прихотей избалованного потребителя и сурового законодательства получить эту самую прибыль и довести свое предприятие до состояния максимальной эффективности. А на уровне национальной экономики в целом это вещь почти невероятная, так как она возможна только в том случае, если получится лишить подобной возможности другого «менеджера» (претендента на пост президента собственной страны или президента страны другой – в рамках мировой экономики). Как говорил небезызвестный В. Парето, наиболее эффективна та экономика, где невозможно улучшить положение одного субъекта, не ухудшая при этом положение другого. В любом, даже учебном, издании можете встретить традиционный перечень личностных качеств, которыми должен обладать менеджер. И такие вещи, как творчество и самостоятельность, здесь на первом месте. Без них менеджер в принципе состояться не может. Менеджер, лишенный творчества, – это «круглый квадрат», «деревянное железо», «горячий снег» и т. п. В отличие от управленца. Последнему все это не только противопоказано категорически, но и свидетельствует о его непрофессионализме. Богу – богово, кесарю – кесарево. А творчество, как мы видели выше, – вещь божественная. Отсюда и идея: креативный менеджмент – это масляное масло.

Менеджмент преступен в силу своей творческой сущности, так как преступление – это сущность творчества. Это почти синонимы. Первый «творец», т. е. создатель чего-то нового, стал и первым преступником, тем, кто «переступил» существующую «границу», норму поведения, закон, нарушив его, отойдя от нормы, выделившись из всех, пойдя по другому пути, осознав собственную самость и самостоятельность. «Я есмь сущий». За это же первый «преступник», как известно, и был наказан – изгнан из Эдема.

Пусть это будет «закон предков», «закон богов» или государственный закон. Преступник (натворивший) в процессе преступления (творения) самореализуется. Муки творчества – это муки совести «переступления

традиции», муки нарушения имеющихся норм, привычек, принципов. И преступники всегда были и есть во всех сферах человеческой деятельности. В науке это «безумцы», которые создают безумные, с точки зрения устоявшихся норм научной деятельности, идеи. Вопрос в такой ситуации (по вышеприведенной мысли Н. Бора) не в том, насколько эти идеи истинны, а в том, достаточно ли они безумны, чтобы быть истинными. История науки дает массу примеров создания этих безумных идей, которые давали мощный толчок развитию научного знания. Это и сожженный Дж. Бруно, и Коперник, и Ньютон, и Дарвин, и Эйнштейн, и создатели неевклидовых геометрий, и многие другие.

В искусстве то же самое. Абстракционисты, дадаисты, футуристы до сих пор воспринимаются зачастую или резко отрицательно, или мягко – с недоумением и непониманием. Например, известная картина Малевича «Черный квадрат». Единого мнения нет и до сих пор, то ли это действительно шедевр, произведение искусства, то ли выплеск «праздного ума», желающего просто «шокировать» обывателя. Чем более элитарно то или иное «произведение искусства», тем более оно «безобразно» с точки зрения большинства неискушенных. Так же, как «безобразен» (т. е. не имеет определенного «образа») сам Создатель. И наоборот, чем более произведение «реально» и понятно большинству, тем менее оно художественно ценно, с точки зрения «высот профессионального духа».

В религии то же самое. Изощенный ум почти по необходимости впадает в ересь, т. е. в религиозное преступление. Горе от ума. Преумножающий познание преумножает скорбь – проходит центральная идея в книге Эклессиаста. Меньше знаешь – лучше спишь, говорит бытовой русский язык. Муки же творчества (создание нового) толкают «мятежный ум» на преступление (уход от догматов), хотя бы потому, что ничего нового (истин) человек вообще-то создать не в состоянии – с точки зрения классического богословия. Все от Бога, человек же может только разъяснить божественные истины (известный феномен схоластики, принятый за основу нашей системой управления). Но и разъяснять истины Писания или Предания может только «божий человек», лучше всего священник (начальник), так как облечен он «святым духом», и в грех неправильного толкования он не впадет. Остальные же слабы, а значит, если они пытаются «толковать», например, Библию (Закон), то они почти обречены на грех искажения смысла, т. е. на ересь, на преступление. Лучше этого не делать,

а обратиться к священнику (юристу). Хорошая аналогия: гражданин не вправе толковать государственный закон, лучше обратиться к «священнику» – судье или адвокату. И потому преступление – это попытка осознать или прочувствовать свое богоподобие, силу Его могущества, находящуюся в человеческой душе.

То же наблюдаем в политике. Феномен диссидентства. Это инакомыслящие, не согласные с государственным законом и не принимающие его. Будь они даже «величайшими гуманистами» (И. Бродский, А. Солженицын, А. Сахаров) все равно они преступники, «люди плохие», а таких, по мысли одного из персонажей антиутопии А. Платонова, надо «убивать, а то хороших людей мало». Ну а диссиденты, как это ни странно, были и есть в любом государстве. И еще неизвестно, кто более прав, кто более человечен и прогрессивен: они или «закон большинства».

Можно приводить еще множество примеров, но мысль везде просматривается одна: преступники – это везде люди «иные», неординарные, свободолюбивые, творческие, воспринимающие жизнь по-другому. И любой процесс преступления, в том числе уголовного, требует действительно «творческого подхода»: изучение ситуации, составление плана, четкое реагирование на изменившиеся обстоятельства, изобретение новых средств и способов, например, квартирных краж, и т. п. Конечно, как и преступники в иных сферах, уголовные преступники различаются по степени творчества. Как, например, среди ученых, так, и среди уголовников есть «мастера», мэтры, жизнь которых сплошное фактическое творчество, а есть «ремесленники», дилетанты, которые исполняют устоявшиеся в той или иной сфере алгоритмы, и в деятельности которых только иногда загорается «искорка творчества». Но они и быстрее «попадаются» в силу своей ординарности, предсказуемости. Однако мысль прослеживается: везде все новое творится преступником. Глобально новое – Преступником с большой буквы.

В данном контексте менеджер вполне оправдывает себя. Редко кто обращает внимание на сущность основной цели деятельности любого менеджера – на Прибыль, а она достаточно интересна – особенно у нас в стране, где экономические воззрения до сих пор покоятся на интуиции так называемой «трудовой (или затратной) теории стоимости». Классическая формула – прибыль есть разница между доходами и расходами – прекрасно демонстрирует преступность путей ее «извлечения». Ведь если это так, то извлечение прибыли – это «безвозмездное изъятие денег у населе-

ния». Разница между доходами и расходами забирается у покупателя «ни за что», бесплатно, так как все издержки (трудовые, финансовые, предпринимательские и т. п.) включены в «расходы», и «честный», совестливый торговец должен бы, вроде, продавать товар по «себестоимости» – а значит без всякой прибыли, тем более – без прибыли экономической (квазирен-ты), если выражаться профессиональным языком. Доходы сверх суммы покрытия бухгалтерских издержек (нормальная прибыль) у честного предпринимателя не должны превышать среднего уровня заработной платы по стране. Однако такое поведение коренным образом подорвет возможности концентрации капитала, развития предприятия и экономики страны в целом и прямо будет противоречить всему, что включается в смысл словосочетания «экономические интересы». Тем более это будет противоречить квалификационным требованиям к менеджменту.

Действительно, представьте себе, скажем, хозяина пивоваренного завода, который имеет доход в 6–8 тыс. р. на сегодняшний день. Его и друзья засмеют, и жена выгонит из дома (или сама сбежит), и дети бросят, и бизнес у него «загнется». «Честный бизнесмен» – это выражение экономически бессмысленное. Бизнесмен (читай – менеджер в нашем контексте) может быть либо экономически эффективным, т. е. профессионалом, либо нет. Все остальное – для досужего ума, которому экономические проблемы чужды. Экономическая же эффективность, как самого бизнесмена, так и его предприятия и системы менеджмента, определяется уровнем прибыльности, т. е. той самой суммой, которую он «бесплатно» в состоянии «изъять» у населения в свою пользу. Как это ни может показаться грустным нашему человеку, неотягощенному экономическими ухищрениями, но это так.

И теперь просто достаточно задуматься над вопросом: как можно у здравомыслящего человека (покупателя), находящегося чаще всего в трезвом уме и твердой памяти, забрать «за бесплатно» какую-то (иногда очень даже большую) сумму денег? Как помнится, только у Остапа Ибрагимовича Бендера в классическом произведении советской литературы был 401 «относительно честный способ изъятия денег у населения». В реальности же, насколько мне известно, таковых (во всяком случае – основных) существует всего четыре. Известный персонаж в соответствии со своими принципами жизни и здесь раз в десять приукрасил действительность. Эти четыре способа: разбой, грабеж, воровство и мошенничество –

все в трактовке современного отечественного Уголовного кодекса. Разворачивать эту трактовку в рамках данной статьи не представляется возможным и в силу ограниченного объема и в силу не полного соответствия теме. Это – предмет отдельного разговора. Здесь же ограничусь только акцентом: основная цель менеджера не соответствует требованиям УК РФ и некоторым другим законодательным актам. Особенно в России: если бы наши топ-менеджеры полностью выполняли требования, например, настоящего налогового законодательства и выплачивали полностью установленный уровень налогообложения (доходящий, как известно, до 70%), то российской экономики давно уже не существовало бы. Расчеты той же ЮНЕСКО говорят об этом однозначно: если уровень налогообложения превышает 35%, экономика впадает в стагнацию и постепенно разваливается, так как население теряет интерес к предпринимательской деятельности, она становится невыгодной. Наш бизнес потому и живет еще, что предприниматели примерно половину «налогооблагаемой базы» просто скрывают (т. е. совершают налоговое преступление). Иначе наша страна перешла бы достаточно давно на «натуральное хозяйство» или вернулось бы в командную (тоталитарную) экономику. Рынок у нас жив постольку, поскольку наши предприниматели – преступники, за что и надо им, по всей видимости, выразить благодарность.

Но это – на уровне микроэкономических отношений. С макроэкономической, с государственным управлением дела обстоят, на мой взгляд, намного хуже. Здесь настоящий менеджер – это большая редкость. Если на этом уровне появляется «менеджер», который, как мы видели выше, категорически отличается от «управленца», то печальна либо его судьба (оказывается лишенным жизни или в заключении), либо его государственная карьера, либо что-нибудь еще – в любом случае ему вряд ли можно позавидовать. Но здесь же нужно посочувствовать и нашей многострадальной экономике.

Если бы руководители нашего государства (самого разного уровня) были менеджерами, т. е. в общем виде – предпринимателями (собственниками), имели свой бизнес более или менее крупного размера, если бы они знали, что их бизнес является «структурным подразделением» фирмы-государства, которой они руководят, и что успех их бизнеса зависит от успешной деятельности фирмы в целом, они бы относились и к самой фирме как к своей (в той или иной мере), и всячески бы заботились об ее выгоде, об увеличении ее собственности, собственности государства, т. е. стали бы все

настоящими менеджерами, а наша экономика давно бы выбралась из той ямы, в которой находится достаточно давно. Видимо, именно поэтому, с учетом именно экономических особенностей, в развитых странах для занятия более или менее высокого государственного поста вводят так называемый «имущественный ценз», т. е. кандидат на государственную должность должен уже быть человеком обеспеченным, имеющим в данном государстве собственный бизнес, и, следовательно, заинтересованный лично в процветании той «фирмы» (государства), менеджером которой он становится.

В России же вплоть до сегодняшнего дня дела обстоят иначе, можно сказать – прямо противоположно. До сих пор интуитивно, а иногда и вполне осознанно, проводится старая, высказанная еще В. И. Лениным, идея, что «каждая кухарка может управлять государством». И в результате, большинство государственных чиновников – вплоть до высшего эшелона – основной целью своей «службы» видят не приумножение государственной собственности, а собственное обогащение, формирование своего «частного» экономического капитала, интересы собственной кухни. Государственные интересы здесь вторичны. Думается, что данное утверждение вполне очевидно. Наш отечественный государственный псевдо-«менеджмент» мыслит на сегодняшний день не государственными масштабами, а масштабами своей личной собственности: коттедж, дача, машина, вклад в банке (лучше всего – не в отечественном, а в заграничном, что очень симптоматично) и т. д. Это вполне объективный процесс. Это экономическая закономерность становления частного собственника, накопления капитала и формирования предпринимателя. И этот процесс от личностей вряд ли зависит. Другое дело, что государство и его интересы, как и интересы самого народа, здесь ни при чем.

Каков уровень предпринимательского мышления нашего государственного управления, таков и уровень государственных программ, оценок, отчетности и предпринимаемых действий. И подобная ситуация будет сохраняться до тех пор, пока к руководству государством не придут крупные собственники, настоящие предприниматели, достигшие своего положения своими собственными усилиями и способностями, а не получившие политическую власть «по наследству» от советской системы – в зависимости от положения в партийно-государственной номенклатуре, которое занимали они, или их родственники, или хорошие знакомые и т. д. Другими словами – менеджеры, а не рантье.

Государственные руководители должны быть крупными собственниками, ставшими таковыми в результате **своей** предпринимательской деятельности. И чем выше государственный пост, тем более крупный, видимо, собственник должен его занимать. Только тогда государственные решения будут экономически эффективными и последовательными. И только в этом случае можно будет говорить, что у нас в стране сложилась эффективная национальная экономика.

Л. А. Кожун

ВЛИЯНИЕ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА МАКРО- И МИКРОУРОВНЕ

Как известно, современный этап экономического развития характеризуется пристальным вниманием к созданию и применению информационных технологий, информации, знаний; появилось понятие «новой экономики», основанной на глобализации мировой экономики во многом благодаря сетевой информатизации общества, инструментальной основой которой является глобальная сеть Интернет. В литературе представлен ряд компетентных мнений, сходящихся в том, что «информация становится важнейшим экономическим ресурсом, четвертым фактором производства – наряду с землей, капиталом и трудом»¹; «в последние десятилетия важнейшим ресурсом общества стала информация»²; «в новой экономике знания стали фактором экономического роста стран как капитал, земля и труд»³.

В основу представлений об информационном обществе закладываются ряд признаков:

а) широкое распространение информационных технологий на производстве, в фирмах, в области образования, науки (одним из показателей степени информатизации является количество используемых терминалов,

¹ Долгов С. И. Экономическая психология и экономическая информация // Российский экономический журнал. 1999. № 1. С. 95.

² Рыжов В. П. Неистощимый ресурс // Энергия: экономика, техника, экология. 2001. № 11. С. 45.

³ Капустина Л. М. Информационные технологии как фактор развития современной мировой экономики // Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2004. С. 26.